

Теория Л.И. Божович: личность, психика, индивидуальность

Н.Н. Толстых*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
nnvt@list.ru

Рассматриваются некоторые аспекты теории Л.И. Божович в современном контексте и в контексте 70-х гг. прошлого века, в частности, ее взгляды на проблему соотношения психического и личностного развития, индивида и личности. Подчеркивается актуальность проблематики соотношения натуральных и высших психических функций и личности в целом в эпоху растущего интереса к нейронауке. Обсуждается взгляд Л.И. Божович на теорию деятельности, ее несогласие с ключевыми положениями теории деятельности А.Н. Леонтьева, а также с некоторыми положениями теории и практики развивающего обучения во времена Л.И. Божович. Отдельное внимание уделяется проблеме воли, книгу о которой Л.И. Божович не успела дописать. Представляются взгляды автора публикации на проблемы соотношения воли и произвольности в контексте теории Л.И. Божович. Высказывается гипотеза о разных корнях и разных путях развития воли и произвольности.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, теория Л.И. Божович, личность, индивидуальность, воля, произвольность, психическое развитие, развитие личности.

The Theory of L.I. Bozhovich: Personality, Mind, Individuality

N.N. Tolstykh,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
nnvt@list.ru

The paper focuses on some aspects of L.I. Bozhovich's theory with respect to the modern context and the context of 1970s, for instance, on her thoughts regarding the correlation between mental and personality development, between an individual and personality. The issue of the relation between natural and higher mental functions and personality is also important, especially due to a growing interest in neuroscience. The paper discusses Bozhovich's views on the theory of activity and her disagreement with several key postulates of A.N. Leontiev, as well as with certain theses of the theory and practice of developmental learning (at least in the form it was back then, in her time). Also, the paper addresses the problem of will, a book on which L.I. Bozhovich left unfinished. I present my own views on the relationship between will and self-regulation in the context of Bozhovich's theory and set forth a hypothesis on the different sources and developmental patterns of will and self-regulation.

Keywords: cultural-historical approach, theory of L.I. Bozhovich, personality, individuality, will, self-regulation, mental development, personality development.

Для цитаты:

Толстых Н.Н. Теория Л.И. Божович: личность, психика, индивидуальность // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 85–90. doi: 10.17759/chp.2019150210

For citation:

Tolstykh N.N. The Theory of L.I. Bozhovich: Personality, Mind, Individuality. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 85–90. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150210

* Толстых Наталья Николаевна, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия. E-mail: nnvt@list.ru
Tolstykh Natalia Nikolaevna, PhD in Psychology, Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: nnvt@list.ru

Подход Л.И. Божович к проблеме личности достаточно хорошо известен. Он был развернуто представлен в ее работах, в работах ее последователей и соратников. Впоследствии появился целый ряд публикаций, посвященных обзору и анализу вклада Л.И. Божович в разработку проблематики становления личности ребенка [6; 8; 9; 12–14; 16; 17; 19] и др. Вместе с тем какие-то аспекты ее концепции, взгляда на психологию личности оставались, с моей точки зрения, в тени и начинают высвечиваться только по прошествии времени. О некоторых из таких аспектов и пойдет речь.

Начну все же с констатации широко известного факта отверженности Л.И. Божович культурно-исторической традиции. Историки науки справедливо причисляют ее к числу ближайших соратников Л.С. Выготского, а сама она расценивала свои исследования как наиболее непосредственно, прямо развивающие его идеи. Об этом, в частности, она заявляет в докладе, подготовленном к состоявшейся в 1981 г., уже после ее смерти, конференции «Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология», отмечая, что прослеживание развития идей Выготского «в их собственной логике» приводит к выводу о необходимости разрабатывать именно проблему личности. Проблему психологии личности ребенка, пишет она, «Л.С. Выготский считал, говоря его словами, «высшей для всей психологии» и сам неукоснительно шел к ее решению» [4, с. 359]. Эта проблема и была ключевой для Божович и возглавляемого ею научного коллектива, причем ее разработка осуществлялась, «не выходя за рамки создаваемой им (Выготским. — Н.Т.) концепции» [4, с. 358].

Она так формулировала свою исходную позицию: «Л.С. Выготский не создал законченного учения о личности: он умер слишком рано. Но подходы к созданию такого учения в его работах существуют. Весь последний этап его научных исканий был связан с разработкой проблемы аффекта и его “встречи” с интеллектом — с проблемой развития эмоций и возникновения высших чувств. По-видимому, именно здесь он искал ключ к пониманию тех особых системных образований, того высшего психического синтеза, который, как он писал, “... с полным основанием должен быть назван личностью ребенка”. С нашей точки зрения, дальнейшие психологические исследования в логике, намеченной Л.С. Выготским, и в системе его понятий должны привести к продуктивному изучению специфических для человека психических процессов и личности в целом» [4, с. 359].

Вместе с тем в период с конца 60-х по начало 80-х гг., последний период жизни и научного творчества Л.И. Божович, с такой оценкой заявляемой ею позиции, с таким пониманием перспектив развития теории Л.С. Выготского соглашались немногие, и ее исследования оказались как бы на периферии разработок, проводимых в русле культурно-исторической традиции.

Это было время, когда наше поколение — поколение студентов и молодых выпускников факультета психологии МГУ знакомились с культурно-историче-

ской теорией. Мы получали эти знания буквально из рук великих ее носителей — А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, А.Л. Венгера, Б.В. Зейгарник, В.П. Зинченко. Все они были живы тогда, были нашими учителями, многим из нас довелось вести исследования под руководством кого-то из них. Автору этого сообщения выпало счастье оказаться как раз в лаборатории Л.И. Божович, где в то время работали также Л.С. Славина, М.С. Неймарк, В.Э. Чудновский и другие ученые, бывшие единомышленниками Л.И. Божович и считавшие себя продолжателями идей Л.С. Выготского.

В то время приоритетными направлениями исследований, по крайней мере провидимых в рамках московской психологической школы, были, как уже было сказано выше, отнюдь не исследования личности в понимании Божович, а исследования, так или иначе опиравшиеся на теорию деятельности А.Н. Леонтьева, теорию интериоризации П.Я. Гальперина, а также тесно связанные с ними разработки Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова в области развивающего обучения. При этом никакой видимой конфронтации между позициями этих ученых и позицией Л.И. Божович не наблюдалось, и мне не известны какие-либо тексты, содержащие критику ее идей. Вместе с тем ее позиция и ее исследования явно не вписывались, как сегодня сказали бы, в мейнстрим. Она же свое несогласие с этим мейнстримом выражала — и в текстах, и устно, о чем я могу судить, в том числе, и по моим воспоминаниям.

Во-первых, она не разделяла основные положения теории деятельности. В уже упомянутом докладе она обосновывает свое несогласие следующим образом: «Категория деятельности, охватывающая, по А.Н. Леонтьеву, «полюс объекта» и «полюс субъекта», ведет к пониманию самой личности как момента деятельности и ее продукта. Превратив таким образом психику в реальность человеческой деятельности, отрицая возможность рассматривать ее как реальность, присущую самому субъекту, А.Н. Леонтьев в качестве предмета психологии фактически вынес психику за пределы изучения внутренней жизни человека» [4, с. 361]. Основной причиной такого подхода Л.И. Божович называет «... боязнь, что признание в качестве предмета исследования реально существующих внутренних, собственно психологических, образований может привести к субстанциональному пониманию психики» [4, с. 361].

Л.И. Божович, напротив, как раз настаивала на том, что психика, внутренняя жизнь человека — это и есть присущая ему реальность, где единицей анализа выступают новообразования, которые — вслед за Л.С. Выготским — она понимала как сложные психологические структуры, возникающие путем опосредствования культурными знаками в процессе общения и деятельности натуральных психических функций. Эти натуральные психические функции, «интеллектуализируясь» и «волюнтаризируясь», меняют в результате свое содержание и строение и становятся достоянием человека, его неотъемлемой сущностью. Именно так, по мнению Л.И. Божович, Л.С. Выготским и был преодолен разрыв между «телом» и «духом».

Весь, как мне представляется, пафос теории личности Л.И. Божович заключается как раз в поиске ответа на вопрос о том, как исходно «натуральные» и в этом смысле совершенно не зависящие от человека основания его внутренней жизни, то, с чем он рождается на свет, в процессе личностного развития могут стать той психической реальностью, которая обеспечивает человеку свободу выбора, свободу поведения, возможность стать, как она не раз писала, хозяином и над обстоятельствами своей жизни, и над самим собой, стать в ее понимании личностью [12].

Понимание личности как высшего уровня психического развития противостоит позиции ряда видных отечественных психологов, считающих важным разделять линии психического и личностного развития. Такую позицию занимали, в частности, Б.Г. Ананьев, А.В. Петровский и, смею предположить, прямо об этом не писавший А.Н. Леонтьев. Л.И. Божович поэтому никогда не разделяла идею разведения «личности» и «индивида», по сути, разделяя в этом вопросе точку зрения С.Л. Рубинштейна, о чем, впрочем, прямо не высказывалась.

Подчеркну еще раз, что для Л.И. Божович принципиально важен был процесс культурного преобразования именно натуральных, врожденных психических функций (структур), а не просто присвоение культурного опыта, его интериоризация. В этой связи вспоминается эпизод, случившийся незадолго до ее кончины, свидетелем которого был автор настоящего сообщения. В Психологическом институте А.Н. Леонтьев делает доклад, много внимания уделяя присвоению культурного опыта в процессе деятельности. Дело происходит в Малой аудитории, т. е. обстановка, можно сказать, домашняя. Среди слушателей — и Л.И. Божович, которая в какой-то момент не выдерживает и прямо из зала восклицает: «И все-таки, Алексей Николаевич, присваивать чужое — нехорошо!».

В этой шутке — суть ее разногласий с Леонтьевым, суть ее позиции, тогда так не модной: признание важности натуральной основы психических функций, признание субстанциональности психики, внутренней жизни как той психологической реальности, «... которая составляет неотъемлемую сущность человека, являясь содержанием его жизни, регулятором поведения, той внутренней средой, через которую преломляются все внешние воздействия» [4, с. 358].

Здесь же, как мне представляется, и причина ее несогласия с основными положениями теории и практики развивающего обучения, которыми в те годы занимались исследователи под руководством Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова. Она решительно не разделяла их оптимизма и энтузиазма, полагая, что даже при идеальном проектировании и технологическом оснащении образовательного процесса нельзя из любого человека сделать Моцарта. По той же причине она с самого начала не верила и в продуктивность реализации плана создать «Школу будущего» на базе 72-го интерната для детей-сирот, потому что, конечно, родители здесь не будут вмешиваться в технологию развивающего обучения, но ту субстанцию внутренней жизни, с которой дети, имея опыт вос-

питания в детском доме, придут в первый класс этой идеальной Школы будущего, решительно нельзя игнорировать. Справедливость ее опасений впоследствии полностью подтвердилась [10].

С тех пор прошло более сорока лет. Несколько утрируя, можно сказать, что категория личности, тогда еще не слишком модная, стала сегодня уже не слишком модной. На смену ей пришли другие — субъектность, индивидуальность и др. Когнитивная психология сместила акценты с области эмоций, чувств (а именно их развитие и было в основе представлений о личности в теории Л.И. Божович) в области, более рациональные. Зато нейронаука с огромным энтузиазмом начала изучать объекты, которые теснее всего можно связать с тем, что когда-то называлось натуральными психическими функциями. Стали искать гены, определяющие математические или музыкальные способности, агрессию или эмпатию и т. п., заниматься ранним выявлением одаренности разного рода, ранним разделением детей на классы, чтобы учить их по разным программам с учетом их интеллекта, мотивации (определяемых в логике нейронауки как непосредственно связанные с определенными структурами мозга) и т. п.

Маятник явно качнулся в противоположную сторону, и, что важно, новый взгляд на человека, на его жизнь и развитие распространяется сегодня далеко за пределы собственно научных изысканий. В этой связи позволю себе привести длинную цитату из недавно вышедшей на русском языке книги Джулиана Барнса «Нечего бояться». Английский писатель, тонко чувствующий время, рассуждает в этом четырехсотстраничном эссе о жизни и смерти, о Боге и безбожии, находясь при этом в постоянном внутреннем диалоге со своим братом — генетиком.

Наша история представляет собой последовательный, пусть и неровный рост индивидуализма: от животных стад, от рабского общества, от полчищ неграмотных крестьян, которыми помыкали король и священник, к менее определенным группам, где у индивида больше прав и свобод — право на стремление к счастью, частные мысли, самореализацию, на потакание своим слабостям. Но теперь, когда мы сбросили иго короля и священника, когда наука помогает нам вернее понять условия, в которых мы живем, когда наш индивидуализм выражается все вульгарней и эгоистичней (а для чего еще нужна свобода!), мы обнаруживаем, что эта индивидуальность, или иллюзия индивидуальности, не то, что мы себе представляли. Мы обнаруживаем, к удивлению, что мы, как замечательно сформулировал Докинз, «машины для выживания — роботы, слепо запрограммированные на сохранение эгоистичных молекул, известных как гены». Парадокс в том, что индивидуализм — триумф вольнодумных художников и ученых — привел нас к осознанию, что мы можем считать себя винтиками в генетической иерархии. Мои юношеские представления о строительстве собственной личности — эта неуловимая, очень английская, экзистенциально самолюбивая мечта о независимости — была страшно далека от истины. Я думал, тягостное взросление приводит к тому, что человек, наконец, оказывается сам себе господин: *homo erectus* в полный рост, *sapiens* во всей своей разумности — парень с хлыстом,

щелкающим им как ему заблагорассудится. Эту картинку... теперь должно заменить понимание, что не только мне не пощелкать хлыстом, но я сам расположился на его кончике, а щелкает мной длинная и неотвратимая цепочка генетического материала, с которой никак не поспоришь. Мою «индивидуальность» по-прежнему можно почувствовать и доказать генетически, однако она, возможно, оказалась полностью противоположной моим тогдашним представлениям о ней [1, с. 159–160].

Скорее всего, «вольнодумный ученый» Л.И. Божович вряд ли приняла бы такую картину мира. И опять оказалась бы за пределами мейнстрима. Но, вообще говоря, вопрос о том, насколько человек может стать «сам себе господином» (Барнс), «быть не рабом обстоятельств, а хозяином и над ними, и над самим собой» (Божович), не нов, просто каждая эпоха формулирует его по-своему. И принятие той или иной позиции определяется отнюдь не научными доводами, а широкой мировоззренческой установкой. Для Л.И. Божович вечный вопрос о свободе воли однозначно решался в пользу возможности ее достижения человеком. Задача состояла в том, чтобы понять и доказать — причем экспериментально, — как это становится возможным в ходе развития личности.

В последние годы своей жизни она писала книгу о воле, которую так и не успела завершить. Остались лишь отдельные наброски, которые, наряду с несколькими законченными статьями, были опубликованы [2]. Эти тексты дают основания полагать, что, во-первых, именно развитие воли составляет основу развития личности, причем в данном случае «... о воле правильнее говорить не как об особой психической функции, а как о волевой структуре человеческой личности» [4, с. 362]. Во-вторых, Л.И. Божович очерчивает линию последовательного развития воли в онтогенезе: гипобулическая воля — произвольная произвольность — сознательная регуляция человеком его мотивационной сферы — постпроизвольное поведение; причем красной нитью в ее рассуждениях о развитии личности и воли проходит известная мысль Л.С. Выготского об овладении своим поведением в процессе культурного развития человека. В-третьих, термины «воля» и «произвольность», «волевое поведение» и «произвольное поведение» Л.И. Божович употребляет как синонимы, имея в виду одну и ту же линию развития. Обратим внимание на это последнее, на первый взгляд, чисто терминологическое замечание.

В последние годы появился ряд публикаций, в которых обосновывается целесообразность разведения понятий воли и произвольности [6; 8] и др. Авторы демонстрируют, в первую очередь, различия феноменологии двух разных форм поведения: волевого и произвольного. Некоторые зарубежные психологи [18] также писали о феноменологическом многообразии воли. И мы с этим полностью согласны [15; 20]. Действительно, есть смысл волей обозначать «... способность бесстрашно хотеть, способность самому определять цели своей жизни и деятельности, способность осуществлять выбор жизненных приорите-

тов, ценностей. Словом, произвольность в таком случае можно было бы обозначить... [как] способность человека осуществлять намерение, реализовать ту или иную цель, задачу, неважно в данном случае кем поставленную — учителем, родителем, обществом или самим человеком» [15, с. 90–91].

В упомянутых отечественных работах авторы приходят к выводу о том, что в основе и воли, и произвольности в конечном итоге лежит один и тот же обозначенный Л.С. Выготским механизм — овладение своим поведением через его опосредствование культурным знаком.

С нашей точки зрения, есть серьезные основания полагать, что воля и произвольность не только различаются феноменологически, но имеют разные источники и подчиняются разным механизмам развития. Эта идея, как представляется, имплицитно была заложена в тех определениях, которые в свое время формулировала Л.И. Божович, выделяя как основную черту развития личности «... возникновение у человека способности вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь при этом собственными, сознательно поставленными целями. Возникновение такой способности обуславливает активный, а не реактивный характер поведения человека и делает его не рабом обстоятельств, а хозяином и над ними, и над самим собой» [2, с. 322]. Обычно обращают внимание (и прежде всего, сама Божович) на эту способность быть хозяином своего поведения, владеть своим поведением, оставляя в тени те собственные, сознательно поставленные цели, руководствуясь которыми человек и строит свое поведение, свою жизнь. Откуда они берутся? С нашей точки зрения, развитие способности самому определять цели своего поведения — это и есть развитие воли, воления, в то время как способность подчинять этим целям собственное поведение — это саморегуляция, произвольность. Механизмы последней, кстати, могут быть задействованы и в процессе организации своего поведения в соответствии с целями, заданными другими. Можно предположить, что в истоке развития воли в таком случае лежит потребность в новых впечатлениях, которую Л.И. Божович считала исходной для всего психического развития, в то время как истоком развития произвольности является потребность в общении (как бы ее ни трактовать). Разведение так понятой воли и произвольности, прослеживание путей развития этих «двух волей» позволит, с нашей точки зрения, приблизиться к проблеме соотношения развития личности, генетически связанного с развитием произвольности, с одной стороны, и становления индивидуальности, генетически связанного с развитием воли, — с другой.

Думается, что исследования воли и произвольности, проблемы, которые так волновали Л.И. Божович, о которых она не успела высказаться до конца, но явно видела перспективу исследований в этой области, сегодня приобретают особую актуальность и еще, как принято говорить, ждут своих исследователей.

Литература

1. Барнс Дж. Нечего бояться / Пер. с англ. С. Полотовского, Д. Симановского. М.: Иностранка; Азбука, Аттикус, 2017. 416 с.
2. Божович Е.Д. Из записных книжек Л.И. Божович: соображения к проблеме развития воли // Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. С.333–341.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
4. Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значения для современных исследований психологии личности // Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. С. 357–366.
5. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. С. 321–356.
6. Гуткина Н.И. Концепция Л.И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 116–128. doi:10.17759/chp.2018140213
7. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. 188 с.
8. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Активность против реактивности (школа Л.И. Божович) // Ярошевский М.Г. Историческая психология науки / Под ред. А.И. Мелуа. СПб: Издательство Международного фонда истории науки, 1995. С. 310–315.
9. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Лидия Ильинична Божович. Исследователь личности (1908–1981) // Выдающиеся психологи Москвы / Ред. В.В. Рубцов, М.Г. Ярошевский. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Психологический институт РАО; Московский городской психолого-педагогический университет, 2007. С. 283–293.
10. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб: Питер, 2005. 400 с.
11. Смирнова Е.О. К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 9–15. doi:10.17759/chp.2015110302
12. Толстых Н.Н. Возможность свободы // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 19–28.
13. Толстых Н.Н. Теория личности: от структурной модели к функциональной // Журнал практического психолога. 2008. № 5. С. 66–85.
14. Толстых Н.Н. Формирование личности как становление субъекта развития // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 134–140.
15. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. М.: Универсум, 2010.
16. Фельдштейн Д.И. О Л.И. Божович – ученом и человеке // Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. С. 5–21.
17. Чудиновский В.Э. Вступительное слово. Л.И. Божович: человек, личность, ученый // Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб: Питер, 2008. С. 9–32.
18. Farber L. The Ways of the Will. Essays Toward a Psychology and Psychopathology of the Will. N.Y.: Basic Books, 1966.
19. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. “Interesting Psychology” L.S. Vygotsky and L.I. Bozhovich // Journal of Russian and East European Psychology. 2004. Vol. 42, № 4. P. 7–19.

References

1. Barns Dzh. Nechego boyat'sya [There is nothing to fear from] Per. s angl. Moscow: Inostranka, Azbuka, Attikus Publ., 2017. 416 p.
2. Bozhovich E.D. Iz zapisnykh knizhek L.I. Bozhovich: soobrazheniya k probleme razvitiya voli [From notebooks of L.I. Bozhovich: considerations to the problem of development of the will]. In Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Fel'dshtein D.I. (ed.). Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii, Voronezh: NPO «MODEK» Publ., 1995, pp. 333–341.
3. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968. 464 p.
4. Bozhovich L.I. O kul'turno-istoricheskoi kontseptsii L.S. Vygotskogo i ee znachenii dlya sovremennykh issledovaniy psikhologii lichnosti [On cultural-historical conception of L.S. Vygotskii and her value for modern researches of psychology of the personality]. In Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and her formation in children's age]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, pp. 357–366.
5. Bozhovich L.I. Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze [The phases of formation of the personality in onthogenesis]. In Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and her formation is in children's age]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, pp. 321–356.
6. Gutkina N.I. Kontsepsiya L.I. Bozhovich o stroenii i funktsionirovaniy lichnosti (kul'turno-istoricheskii podkhod) [The L.I. Bozhovich's conception of structure and functioning of the personality (cultural-historical approach)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2018, no. 2, pp. 116–128. doi:10.17759/chp.2018140213. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Gutkina N.I. Psikhologicheskaya gotovnost' k shkole [Psychological readiness to the school] 4th ed., revised and added. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 188 p.
8. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Aktivnost' protiv reaktivnosti (shkola L.I. Bozhovich) [Activity against reactivity Historical psychology of science]. In Yaroshevskii M.G. *Istoricheskaya psikhologiya nauki* [Historical psychology of science]. Melua A.I. (ed.). Saint-Petersburg: Publ. Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki, 1995, pp. 310–315.
9. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Lidiya Il'ichna Bozhovich. Issledovatel' lichnosti (1908-1981) [Lidiya Il'ichna Bozhovich. Personality researcher]. In Rubtsov V.V. (eds.), *Vydayushchiesya psikhologi Moskvy* [Protruding Moscow psychologists]. 2nd ed., revised and added. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO; Moskovskii gorodskoi psikhologo-pedagogicheskii universitet Publ., 2007, pp. 283–293.
10. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiya sirotstva [Psychology of orphanhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 400 p.
11. Smirnova E.O. K probleme voli i proizvol'nosti v kul'turno-istoricheskoi psikhologii [On the problem of will and Self-regulation in cultural-historical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2015. Vol. 11, no. 3, pp. 9–15. doi:10.17759/chp.2015110302. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Tolstykh N.N. Vozmozhnost' svobody [Opportunity of freedom]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2007, no. 1, pp. 19–28. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Tolstykh N.N. Teoriya lichnosti: ot strukturnoi modeli k funktsional'noi [The theory of personality – from structural

20. Tolstykh N.N. Concept of Will as an Open Problem in Culture-Historical Context. In Barma S. (eds.). *Contemporary Russian Contributions to Vygotsky's Heritage / Special Issue. CRI_SAS International Journal / Revue International du CRIRES: innover dans la tradition de Vygotsky*. 2017. 4 (1). ISSN: 2291-617. P. 48–53.
- model to functional]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa [Journal of practical psychologist]*, 2008, no. 5, pp. 66–85. (In Russ.).
14. Tolstykh N.N. Formirovanie lichnosti kak stanovlenie sub"ekta razvitiya [Formation of the personality as becoming of the subject development]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2008, no. 5, pp. 134–140.
15. Tolstykh N.N. Khronotop: kul'tura i ontogenez [Khronotop: culture and ontogenesis]. Moscow: Universum Publ., 2010. 312 p.
16. Fel'dshtein D.I. O L.I. Bozhovich — uchenom i cheloveke [On L.I. Bozhovich — scientist and the person]. In Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti [Problems of formation of the person]*. Moscow: «Institut prakticheskoi psikhologii», Voronezh: NPO «MODEK» Publ., 1995, pp. 5–21.
17. Chudnovskii V.E. Vstupitel'noe slovo. L.I. Bozhovich: chelovek, lichnost', uchenyi [Opening statement on L.I. Bozhovich: human being, person, scientist]. In Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and her formation in children's age]*. Saint-Petersburg: Piter, 2008, pp. 9–32.
18. Farber L. *The Ways of the Will. Essays Toward a Psychology and Psychopathology of the Will*. N.Y.: Basic Books, 1966.
19. Prikhodzhan A.M., Tolstykh N.N. "Interesting Psychology": L.S. Vygotsky and L.I. Bozhovich. *Journal of Russian and East European Psychology*, 2004, Vol. 42, no. 4, pp. 7–19.
20. Tolstykh N.N. Concept of Will as an Open Problem in Culture-Historical Context. In Barma S. (eds.), *Contemporary Russian Contributions to Vygotsky's Heritage. Special Issue. CRI_SAS International Journal. Revue International du CRIRES: innover dans la tradition de Vygotsky*, 2017, no. 4 (1), pp. 48–53.